

ИЗ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ БЕЛГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

Пенская Татьяна Михайловна

Белгородский государственный университет

Данная статья посвящена проблеме происхождения Белгородской губернии в начале XVIII в. Образование губернии, как показывает автор, стало частью большой административной реформы, что проводилось в 1726-1728 гг. Верховным Тайным советом. В отличие от прежней петровской губернской реформы она была нацелена на восстановление привычных административных структур, так как русское общество начала XVIII в. оказалось не вполне готово к резким переменам, которые пытался проводить Петр. Автор подчеркивает роль губернии как преемника Белгородского разряда – военно-административной структуры Московского государства на границе с Крымским ханством и Речью Посполитой. Разряд был ликвидирован в ходе петровской административной реформы в 1708-1719 гг., но его административные и военные функции оказались переданы Белгородской губернии.

Ключевые слова: административная реформа, Белгородская губерния.

This article is dedicated to the problem of origin of Belgorodian gubernia in early XVIII century. This gubernia was created High Secret Council in 1727 year as part the great administrative reform 1726-1728 years. This reform unlike Peter's reform restored habitual forms of administrative and commanding structures of Moscow state so as Russian society and state was not perfectly ready for radical Peter's reforms. New "old" gubernian structures combined as new both old habitual forms of government on a provincial level. The author stressed the role of gubernia as successor of Belgorodian razryad – military and administrative district of Moscow state on the border with Crimean khanate and Polish-Lithuanian state. This razryad was liquidated in process gubernian reform of Peter the Great 1708-1719 years, but his functions, military and administrative, was transferred Belgorodian gubernia.

Key words: administrative reform, Belgorod guberniya (province).

Белгородская губерния не возникла «из ничего». Ее рождение в определенной степени было предопределено всем ходом русской истории с конца XV в., и истоки решения о ее создании нужно искать в ту эпоху, когда шагом за шагом складывались основы Российского государства. Процесс его формирования был сложным и неоднозначным. Вопреки общепринятому мнению о московском деспотизме и абсолютной власти московских государей над своими подданными и их телами и душами, а, значит, и землями, до Петра картина была иной, отличавшейся от этой, ставшей хрестоматийной, картины. Земли Российского государства на протяжении XVI-XVII вв. управлялись по старинке, по традиции, заложенной еще во времена собирателей

Русской земли под властью Москвы Калитичей. Государство на первых порах было относительно слабым, а власть, по замечанию Н.Н. Покровского, «базировалась не на единственном понятии «государство», а на двух понятиях – «государство» и «общество», на продуманной системе не только прямых, но и обратных связей между ними...»¹. Естественно, что в этих условиях оно опиралось на поддержку «земли», и формирующийся аппарат центральной власти дополнялся на местах сильными элементами местного самоуправления. Однако по мере усложнения функций, стоящих перед обществом и государством возрастали и требования, стоящие перед аппаратом управления. Как отмечал В.О. Ключевский, «... сквозь новые государственные нужды в усложнявшихся правительственных учреждениях и отношениях пробируются непривычные для тогдашних умов идеи о различии общих и местных интересов, центра и областей, о необходимости надзора за местными властями и о способах регулирования их деятельности...»².

Развитие этих идей в условиях, когда Российскому государству пришлось напрягать все свои силы в борьбе с могущественными противниками, Крымом и Речью Посполитой, привело к тому, что прежняя система взаимодействия назначаемых из центра наместников-кормленщиков и «земского» самоуправления была постепенно вытеснена иной, основанной на принципе концентрации всей власти на местах в руках назначаемых из Центра воевод. Но иначе и быть не могло! «В борьбе за киевское наследство» Московская держава сформировалась как сплоченная национальная военно-государственная структура. Сформировался своего рода военный лагерь (выделено нами – П.Т.). Государева власть стала единой и самодержавной, подчиняя и подавляя частные и общественные интересы. Только прочное и безусловное сосредоточение сил и средств в распоряжении власти (выделено нами – П.Т.) дало возможность организовать их и вести активную политику на пространствах Восточной Европы...» – отмечал отечественный историк А. Петров³.

Воеводства, ставшие к середине XVII в. обычным явлением в административной практике Московского государства, первоначально появились в южных и юго-западных уездах России. Введение этого административного института позволило Москве более или менее твердо управлять территориями, держать руку на пульсе местной жизни и мобилизовать необходимые ресурсы, людские, материальные и финансовые, для решения насущных государственных задач. Процесс формирования абсолютизма в России постепенно набирал обороты, и изменение системы местного управления было одной из сторон общего усиления позиций государства и власти монарха, постепенного вытеснения «земли» на обочину политической жизни. Окрепнувшая, вставшая на ноги монархия перестала нуждаться в подпорках в виде сословно-представительных органов и местного самоуправления и предприняла успешное наступление на них.

Следующим шагом на пути укрепления центральной власти в России и становления русского варианта абсолютизма стало создание так называемых разрядов. Как и в случае с введением института воеводства, появление разря-

дов стало ответом государственного организма на расширение территории Московского царства, превращение его в империю не на словах, а на деле. Тяжелые войны, в которые, вопреки первоначальным расчетам, оказалась втянута Россия во 2-й половине XVII в., потребовали от Москвы дальнейших усилий по созданию надежного механизма мобилизации ресурсов на борьбу с опасными противниками и улучшению управления расквартированными намного дальше, чем ранее, полками. Как отмечал П.Н. Милоков, по мере расширения границ Российского государства перенос центра военных усилий из Москвы на места был неизбежен⁴. Для управления поселенными на отдаленных от столицы служилыми людьми была создана система разрядов – военно-административных округов.

Первоначально разряды стали возникать на западной и южной границах, там, где политическая и стратегическая ситуация была наиболее взрывоопасной и напряженной. Белгородский разряд, призванный обеспечить оборону южной границы от возможной агрессии со стороны Крыма и действия русских войск против Речи Посполитой, был создан одним из первых – в 1658 г. Разряд и поселенные на его территории служилые люди сыграли важную роль в русско-польско-литовской войне 1654-1667 гг., войне с Турцией и Крымом в 1673-1681 г, Крымских походах князя В.В. Голицына и Азовских походах Петра I в 1695 и 1696 гг.

Таким образом, опытным путем московские власти к концу XVII в. выработали более или менее упорядоченную и стройную систему административного деления и управления огромными территориями, которые входили к тому времени в состав Российского государства. Однако сказать, что данная система была совершенной, никак нельзя. Она страдала целым рядом органических пороков, присущих всей административной практике Московского государства, и в первую очередь, отсутствием четкой регламентации функций и сферы компетенции местных властей и их подчиненности. Не меньший вред наносили и многочисленные злоупотребления воевод и дьяков, проистекавшие из укоренившегося с давних пор взгляда на воеводство как на способ поправить свои разладившиеся на государевой службе дела за счет управляемых. В итоге сложившаяся система работала далеко не лучшим образом, поскольку слишком многое зависело от пресловутого человеческого фактора. Очередной этап административной реформы был неизбежен.

Необходимость дальнейшего совершенствования административного деления государства и управленческого аппарата в центре и на местах была осознана еще в конце XVII в., однако только Петр I решился на практике реализовать давно назревшие административные преобразования. Губернская реформа 1708-1719 гг. стала частью петровского замысла по превращению России в современное, динамично развивающееся, сильное и влиятельное европейское государство. Условия, в которых она задумывалась и осуществлялась, предопределил и ее характер. Как подметил русский историк П.Н. Милоков, «...война и финансы – эти два вопроса с конца XV века надолго поглощают всецело внимание центральной власти. Все другие существенные реформы, особенно реформы в государственном управлении, в конце-концов

всегда вызываются этими двумя главными нуждами...»⁵. Все это вполне можно отнести истории петровской губернской реформы.

Объясняя причины, побудившие Петра обратиться к реформам в сфере административного устройства и управления России, В.О. Ключевский указывал, что губернская реформа была обусловлена прежде всего потребностями государства, которое вело тяжелую войну. Поскольку Петр «децентрализовался», в определенной децентрализации нуждался и административный аппарат⁶. Таким образом, логика событий побуждал его продолжить начатую еще при Алексее Михайловиче линию на постепенную децентрализацию управления⁷, продемонстрированную на опыте учреждения разрядов.

В своих действиях Петр был также быстр, как и в мыслях. Первый шаг был сделан 18 декабря 1708 г., когда царь обнародовал свой указ об образовании первых губерний⁸. Указом были созданы 8 губерний, а в 1711 г. появилась еще одна. Тем самым число губерний фактически уравнилось с числом прежних разрядов, хотя в территориальном отношении губернии и разряды не совпадали. Так, Белгородский разряд оказался разорван между Азовской, Киевской и Воронежской губерниями, правда, большая часть разряда вошла все-таки в состав Киевской губернии. Новые административные единицы создавались Петром с вполне определенными целями – военными и фискальными, и в этом отношении они имели немалое сходство в прежними разрядами. Эти же задачи определяли и перво-степенные задачи, которые должны были выполнять губернаторы и их многочисленные чиновничье-бюрократический аппарат. «Цель реформы была исключительно фискальная. Губернские учреждения получили отталкивающий характер пресса для выжимания денег из плательщиков; меньше всего думали о благосостоянии населения...» – отмечал по этому поводу В.О. Ключевский⁹. Военно-фискальный характер губернских учреждений, основы которого были заложены при Петре, просуществует в том или ином виде вплоть до губернской реформы Екатерины II, основанной на несколько иных принципах.

Касаясь фискального аспекта реформы, можно отметить, что согласно проведенному в 1710 г. первому сличению доходов и расходов средний государственный доход, исчисленный за три года, составил 3133879 руб., из них Киевская губерния дала 114857 руб. Меньше ее дала только Смоленская губерния – 83258 руб.¹⁰, но в случае с Киевской губернией такой небольшой доход с, казалось бы, весьма обширной губернии, можно объяснить тем, что подати и сборы в казну вносили великорусские области, бывшие в подчинении киевского губернатора. Во всяком случае, данные окладных книг Камер-коллегии за 1724 г. показывают, что доходы с Белгородской провинции составили в этом году 37813 руб. 20 и ¾ коп., с Орловской провинции – 36685 руб. 79 и 1/8 коп., а с Севской провинции – 47297 руб. 60 и ¼ коп.¹¹

Т.о., как отмечал Ключевский, «...губернская реформа 1708 г. не оправдала финансовых расчетов, на которых была построена: ни в денежных

недосылках и недоборах, ни в злоупотреблениях губернаторы не отстали от прежних приказов...»¹². Так, например, в 1724 г. недоимка с Севской провинции составила 15980 руб. 27 и 5/8 коп., и это при том, что за прошлые годы удалось собрать недоимок на сумму 9681 руб. 60 и 1/4 коп.¹³

Все эти непорядки и неустройства побудили Петра вернуться к вопросу об улучшении административного устройства своего государства. В основу нового этапа административных преобразований Петр решил положить принципы камерализма. За образец он взял Швецию¹⁴. Однако Петр, последовательно проводя политику концентрации власти в своих руках, сразу отказался от воспроизводства какого-либо земского, тем более недворянского, самоуправления по шведскому или иному образцу. Новое административное деление, вводить которое предполагалось постепенно, должно было иметь трехступенчатую структуру – дистрикт-провинция-губерния.

Указ о начале очередного этапа административной реформы последовал 19 мая 1719 г. Согласно указу, носившему название «Об устройстве губерний и об определении в оныя провинций», в России было учреждено 46 провинций¹⁵. Киевская губерния была разделена на 4 провинции – Белгородскую, Севскую, Орловскую и Киевскую. Белгородская провинция, воеводой в которой был назначен П. Лачинов¹⁶, являлась одной из наиболее крупных в составе губернии. К ней, помимо провинциального центра, были приписаны следующие города с пригородами и уездами: Обоянь, Суджа, Валуйки, Чугуев, Мирополье, Яблонов, Карпов, Болховец, Короча, Хотмыжск, Нежегольск, Салтов, Вольной, Алешки, Курск, Старый и Новый Осол, Тополи и Полатов.

Одним словом, за последние годы своего царствования Петр приложил колоссальные усилия для того, чтобы создать и запустить в действие действительно эффективный и слаженно работающий, подобно часам, административно-управленческий аппарат. Однако можно ли считать петровские административные изыскания удачными, а сами реформы завершенными? Скорее всего, на этот вопрос необходимо дать ответ отрицательный. Русское общество начала XVIII в. оказалось не готово воспринять те новшества в этой сфере, которые попытался внедрить в административную практику Петр. Характеризуя суть реформы 1719 г., М.М. Богословский писал: «Правильное разчленение органов, однообразно для всей территории регламентированный состав и действие правления – таковы были новые, навеянные духом рационалистической эпохи начала, положенные в основу административного устройства и определившие его формы. Они придавали учреждениям, в основе которых лежали, характер правильно построенной системы правительственных орудий, которая должна была заменить собой исторически сложившуюся, нестройную и неуклюжую администрацию (выделено нами – П.Т.)...»¹⁷. Но именно здесь и крылась причина неудачи петровской реформы. Переворот был сделан слишком круто, и старая административная традиция, понятная и привычная, вошедшая в плоть и кровь поверстанных на службу в коллегии и канцелярии старомосковских дворян, детей боярских, дьяков и подьячих, упорно сопротивлялась нововведениям. «Сорванные с другого склада по-

нятий и нравов, – отмечал В.О. Ключевский, – новые учреждения не находили себе сродного питания на чуждой почве, в атмосфере произвола и насилия»¹⁸.

Верховный Тайный совет, образованный в 1726 г. и постепенно забравший в свои руки реальную власть в стране, пересматривая наследие Петра, не мог не пройти мимо его губернских учреждений. О позиции же, занятой верховниками в этом столь важном для дальнейшей судьбы России вопросе, неплохо сказал А.Б. Каменский. Хотя они, и прежде всего влиятельнейший глава Совета князь Д.М. Голицын, и являлись «...носителями ценностей европейской культуры, ценностей, имевших иные культурные корни, чем корни традиционной русской культуры...», однако тем не менее верховники «...за четверть века преобразований и при той стремительности и жестокости, с которой они проводились, могли успеть усвоить европейскую культуру лишь очень поверхностно. В их сознании духовные ценности европейцев, выросшие из гуманизма эпохи Возрождения и рационализма XVII века, накладывались на традиционные представления русских людей и реальный опыт социальных условий русской жизни, образуя смесь из, казалось бы, несовместимых элементов (выделено нами – П.Т.)...»¹⁹.

Поэтому, по нашему мнению, анализируя развитие внутренней политики правительства в первые годы после смерти Петра, нужно исходить из того, что борьба велась не между петровскими «птенцами» и «консерваторами», противниками реформ²⁰, сколько вокруг вопроса, каким путем идти дальше, необходимо ли продолжить преобразования в том же темпе и в той же тональности (т.е. отрицая традицию), что и при Петре, или имеет смысл «снизить» скорость и попытаться в разумных пределах сочетать традицию и новшества. Очевидно, что в политике Верховного Тайного совета возобладало второе направление, которое условно можно назвать «романовским» – медленные, постепенные реформы, проводимые с учетом русских традиций и обычаев²¹.

Если принять в качестве рабочей гипотезы это предположение тогда сущность политики верховников становится более ясной, в том числе и в административной области. Выше мы уже отмечали, что петровская административная реформа, хотя и перекликалась в известной мере со старинной, тем не менее была слишком радикальной и потому была фактически отторгнута обществом. Понимая это, верховники, стремившиеся вернуть в общество чувство стабильности и предсказуемости с целью обеспечить условия для продолжения наметившейся при Алексее Михайловиче, Федоре Алексеевиче и Софье политики постепенной модернизации Российского государства и общества²², внесли серьезные коррективы в петровские губернские учреждения.

Итак, генеральное направление нового этапа административной реформы – сочетание старины, привычной и понятной традиции вместе с наиболее подходящими для России и русского уклада элементами европейских новшеств, опробованных, но слишком смелых и новых и оттого до

конца не понятых русскими, при Петре. Новая административная реформа началась в 1726 г. и в общих чертах была завершена двумя годами спустя. Основные ее направления – некоторое разукрупнение губерний (их число выросло до 13), возвращение старого привычного уезда в качестве низшей административной единицы вместо загадочного и непонятного дистрикта, изменения штатного расписания губернских и уездных присутствий, уточнение сферы компетенции и полномочий губернских и уездных начальников, отмена или реформирование неоправдавших себя петровских административных учреждений²³.

Итак, в рамках этого очередного этапа административной реформы Верховный Тайный совет принял решение изменить начертание границ Киевской губернии. 1 марта 1727 г. вышел соответствующий указ о выделении из нее Белгородской провинции с преобразованием последней в губернию. Новая губерния изначально была достаточно велика, поскольку еще ранее, согласно инструкции белгородскому воеводе, ему подчинялись в административном отношении украинские слободские полки. Однако верховники посчитали, что все равно Киевская губерния и после этого оставалась слишком большой и неудобноуправляемой. В результате белгородскому губернатору были подчинены также Севская и Орловская провинции.

Таким образом, Белгородская губерния представляла собой весьма обширное территориальное образование. Согласно указу Верховного Тайного совета, в нее вошли три провинции с приписанными к ним городами, пригородами и уездами. Первой из них, как уже было отмечено выше, стала Белгородская провинция с городами и уездами Белгород, Обоянь, Суджа, Валуйки, Тополи, Полатов, Мирополье, Чугуев, Яблонов, Короча, Карпов, Нежегольск, Курск, Старый и Новый Оскол, Болховец, Вольной, Алешки, Салтов, Хотмыжск. Присоединенные к ней несколько позднее Севская провинция имела 8 городов с уездами – Севск, Рыльск, Путивль, Трубчевск, Недригайлов, Кромы, Каменный, Карачев; а Орловская – 6 (Орел, Мценск, Новосиль, Чернь, Белев, Болхов. Кроме того, белгородскому губернатору как фактическому преемнику белгородского воеводы, в административном отношении были подчинены также и украинские слободские казачьи полки Сумский, Ахтырский, Харьковский, Изюмский и Острогожский.

Почему начертание границ новой губернии было именно таким? Ю.В. Готье полагал, что причиной тому были фискальные соображения²⁴. Однако на наш взгляд, маститый историк в этом случае ошибался. Конечно, эти соображения тоже сыграли свою роль, но не они были решающими. Очевидно, что Голицын руководствовался прежде всего традицией и опытом, приобретенным в ходе своего губернаторства в Киеве. Отнюдь не случайно границы новообразованной пограничной губернии в значительной степени совпадали с прежним Белгородским разрядом, исчезнувшим в ходе петровской губернской реформы. Известно, что Белгород с самого начала своего существования (с конца XVI в.) занимал важное место в системе обороны южнорусской границы от набегов татар, затем был центром

Белгородской засечной черты и Белгородского разряда. Свое военно-административное значение сохранял он и в 1-й половине XVIII в. Поэтому с уверенностью можно сказать, что главной причиной переноса центра новой губернии в Белгород были в первую очередь военно-политические и стратегические соображения, а уж потом все остальные, в том числе фискальные и финансовые. Фактически под властью белгородского губернатора оказалась огромная территория, включавшая в себя земли бывших Белгородского и Севского разрядов, и, естественно, по праву преемства к губернии отошли и в известной степени функции этих прежних пограничных разрядов. Во всяком случае, только в этом случае можно ответить на вопрос – почему именно Белгород стал центром новой губернии, тогда как даже в его собственной провинции были города и уезды с намного большим числом дворов и, соответственно, жителей, а, значит, и более развитые в экономическом отношении. Так, согласно ландратской переписи 1710 г. в Белгороде с уездом числилось 2728 дворов, тогда как в Обояни с уездом 2268, в Курске с уездом 7211, в Старом Осколе с уездом 3803²⁵.

Т.о., анализ имеющейся информации показывает, что судьба губернии вплоть до самого конца ее существования оказалась тесно связана с историей Украинской ландмилиции и Украинской линии. Именно в этом аспекте преемственность Белгородского разряда и Белгородской губернии прослеживается наиболее четко. С выходом России на берега Черного моря историческая роль Белгородской губернии как преемницы Белгородского разряда была сыграна до конца и необходимость в ней отпала.

Примечания

¹ Алексеев Ю.Г. Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С. 6.

² Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. II // Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. II. М., 1988. С. 328-329.

³ Петров А. Указ. соч. С. 172. Примерно тоже, но в более яркой и образной форме писал Г.П. Федотов: «Весь процесс исторического развития на Руси стал обратным западноевропейскому: это было развитие от свободы к рабству. Рабство диктовалось не капризом властителей, а новым национальным заданием: создания Империи на скудном экономическом базисе. Только крайним и всеобщим напряжением, железной дисциплиной, страшными жертвами могло существовать это нищее, варварское, бесконечно разрастающееся государство...» (Федотов Г.П. Россия и свобода // Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 2003. С. 616).

⁴ Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. I. М., 1918. С. 153.

⁵ Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. I. М., 1918. С. 150.

⁶ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. IV // Ключевский В.О. Указ. соч. Т. IV. М., 1989. С. 140-141.

⁷ Сам термин «децентрализация» в данном случае не совсем удачен, поскольку в этом случае действовали две тенденции. С одной стороны, управление децентрализовалось, поскольку часть властных полномочий, ранее сосредоточенных исключительно в руках Центра, передавались на места, а с другой стороны, наделенные широкими полномочиями воеводы разрядов находились под жестким контролем Москвы. Таким образом, можно вести речь скорее о иерархизации управления, сопряженной с определенной его децентрализацией.

⁸ ПСЗ. Т. IV. № 2176.

⁹ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. IV // Ключевский В.О. Указ. соч. Т. IV. М., 1989. С. 146. Этой точки зрения придерживается и целый ряд современных российских историков. См., например: Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л., 1989. С. 146-149; Каменский А.Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М., 1999. С. 101-102 и др.

¹⁰ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 16 // Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. VIII. М., 1993. С. 338-339.

¹¹ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 368. Л.л. 126-128.

¹² Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. IV // Ключевский В.О. Указ. соч. Т. IV. М., 1989. С. 167.

¹³ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 368. Л. 128. Всего же за 1724 г. недоимка по Киевской губернии составила 21 % от суммы, занесенной в окладные книги. См. Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого. Провинции 1719-1727 гг. М., 1902. С. 461.

¹⁴ Почему именно Швеция была взята за образец, понять нетрудно. Швеция постоянно стояла пред глазами Петра как образец того, как при минимальных ресурсах можно создать эффективный государственный аппарат, обеспечивший превращение шведской монархии в региональную сверхдержаву, причем, как отмечал английский историк М. Робертс, «...победы шведской армии объяснялись не только тактическими новациями или способностями ее генералов. Они были также и результатом работы эффективной административной машины ... Шведская армия и шведская бюрократическая машина были сердцем шведской империи...» (Roberts M. The Swedish Imperial Experience 1560-1718. Cambridge, 1979. P. 56, 60).

¹⁵ ПСЗ. Т. V. № 3380.

¹⁶ Характеризуя статус воеводы в новом административном устройстве России. А.Б. Каменский отмечал, что «...провинциальный воевода стал таким же губернатором, но на меньшей по размерам территории. Не случайно впоследствии Екатерина II без особых сложностей превратила петровские провинции в губернии» (Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. М., 1999. С. 138).

¹⁷ Богословский М.М. Указ. соч. С. 58.

¹⁸ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. IV // Ключевский В.О. Указ. соч. Т. IV. М., 1989. С. 181.

¹⁹ Каменский А.Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М., 1999. С. 132-133.

²⁰ См., например: Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л., 19789. С. 484.

²¹ Характеризуя взгляды князя Д.М. Голицына и его сторонников, князь Долгоруков писал: «Партия русская, ошибочно называемая старорусской и мнившая себя таковой, понимала также всю невозможность и опасность восстановления обветшавшего прошлого, во всем его целом; она готова была допустить развитие культуры в России на условии сохранения, однако, старинного быта и частной жизни (выделено нами – П.Т.)...» (Время императора Петра II и императрицы Анны Иоановны. Из записок князя Долгорукова... С. 26).

²² Нам ближе точка зрения П.Н. Милокова, отмечавшего, что деятельность Верховного Тайного совета, по существу, была продолжением деятельности Петра (Милоков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого. СПб., 1905. С. 524-525), чем В.О. Ключевского, оценивавшего деятельность верховников, да и все послепетровское время, в целом негативно (См., например: Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. IV // Ключевский В.О. Указ. соч. Т. IV. М., 1989. С. 250 – «Этим учреждением (т.е. Верховным Тайным советом – П.Т.) хотели успокоить оскорбленное чувство старой знати, устраняемой от верховного управления неродовитыми выскочками...»; С. 272 – «Это царствование (правление Анны Иоанновны – П.Т.) – одна из мрачных страниц нашей истории»; С. 286 – «Они (т.е. правительство послепетровской эпохи – П.Т.) не ставили себе общего вопроса, что делать с реформой Петра – продолжать ли ее или упразднить. Не отрицая ее, он были не в

состоянии и довершить ее в целом составе, а только частично ее изменяли по своим текущим нуждам и случайным усмотрениям...»).

Вместе с тем нельзя не отметить, что дав такой отрицательный отзыв о деятелях послепетровской эпохи, Ключевский, напротив, чрезвычайно высоко оценил князя Д.М. Голицына как оригинального мыслителя и политического деятеля. Из этой характеристики (см.: Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. IV // Ключевский В.О. Указ. соч. Т. IV. М., 1989. С. 253) становятся понятными мотивы, которыми руководствовался сам Голицын и руководимый им Верховный Тайный совет при осуществлении собственной губернской реформы.

²³ М.М. Богословский, анализируя сущность реформы 1727 г., писал, что «Общество первой четверти XVIII века, несомненно, переросло старинные московские учреждения, которые поэтому и так естественно, но те учреждения, которые вводила реформа Петра на место выветрившихся и отлетевших старых, несомненно, опережали общество, которое до них не доросло...». Поэтому, по мнению историка, возврат назад был неизбежен, и он свершился в 1727 г. «В 1727 г. мы встречаем новые и на этот раз наиболее решительные перемены в строе областного управления, – указывал он, – поворачивающие его назад и приближающие его к дореформенному воеводскому управлению конца XVII века» (Богословский М.М. Указ. соч. С. 453, 455). На это уже указывал и Ю.В. Готье, отмечавший, что «...назначение воевод во все города, где они существовали ранее, было ничем иным, как восстановлением всего прежнего уездного деления и при этом восстановлении чего-то привычного и всем понятного (выделено нами – П.Т.)...» (Готье Ю.В. Указ. соч. Т. I. С. 104).

²⁴ Там же. С. 107.

²⁵ ПСЗ. Т. V. № 3380.

В.Н. КАРАЗИН И КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС

Долгих Аркадий Наумович

Липецкий государственный педагогический университет

Статья посвящена взглядам и деятельности в сфере крестьянского вопроса помещика Слободско-Украинской губернии и известного общественного деятеля России первой четверти XIX в. В.Н. Каразина (1773-1842). Взгляды В.Н. Каразина, признававшего существование крепостного права, тем не менее были направлены на ограничение крайних его проявлений, например, продажи людей без земли. В своих имениях он придерживался практики патернализма в отношениях с крепостными. Каразин выступал против освобождения крестьян, в особенности безземельного, будучи одним из идеологов дворянского консерватизма в эпоху правления Александра I.

Ключевые слова: В.Н. Каразин, крепостное право, консерватизм, крестьянский вопрос.

The article is devoted to the famous politician, landlord of Slobodsko-Ukrainian province of Russian Empire V.N. Karazin (1773-1842), his socio-political views and activities, especially in the sphere of the so called «peasant question», his principle of paternalism towards that category of personally depended people.

Key words: V.N. Karazin, serfdom, conservatism, agrarian question.